

А. Н. РОБИНСОН

Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии

Религиозно-общественное движение раскола в первые годы своего существования (50—70-е годы XVII в.) выдвинуло группу талантливых писателей-полемистов, защитников «старой веры». Эти писатели (Аввакум, Епифаний, Федор, Лазарь, Авраамий, Иван Неронов, Феокист, Никита Добрынин и др.) постоянно пользовались литературными средствами для защиты и распространения своих взглядов. Из-под пера каждого из них выходили полемические послания, богословские трактаты, поучения и другие сочинения, в которых под оболочкой религиозных идей нередко скрывались оппозиционные демократические настроения. Характерной особенностью этой религиозной публицистики было то, что в ней сталкивались и сочетались черты древней восточнохристианской традиции и живой современности, литературного трафарета и художественного своеобразия, языка церковной книжности и просторечия.

Движение раскола, как и всякое крупное религиозно-общественное движение, нуждалось в своем «олимпе». Легенда о подвижничестве, о святости идеологов и вождей движения начала создаваться уже в пылу ожесточенной борьбы и, главное, при их собственном деятельном участии. Их борьба и страдания, их видения и пророчества становятся сначала достоянием устной молвы и переписки (даже официальной), а вскоре и объектом литературного изображения. Общность идейных целей толкала этих писателей к своеобразному взаимодействию: сведения о «чудесных» и о реальных обстоятельствах жизни и деятельности кого-либо из них собирались и распространялись его ближайшими товарищами, а затем самими героями этих обстоятельств. Таким образом, эта публицистика отражала не только идеи ее создателей, но и их судьбы, насыщаясь при этом элементами биографического повествования. Быстрое накопление в среде первых «расколуучителей» такого литературного опыта облегчало возможности для перехода некоторых из них к автобиографическому творчеству в собственном смысле. Потребность в таком творчестве возникла в среде этих писателей именно тогда, когда светская и духовная власть подвергла их наиболее жестоким гонениям и казням, невольно способствуя созданию вокруг них ореола мучеников за веру.

В этой исторической и идеологической обстановке привычные для современников, но отвлеченные представления о древних мучениках и подвижниках христианства вдруг ожили и наполнились злободневным содержанием. Сама история жизни «первоучителей» старообрядчества сделалась образцом для подражания и предметом почитания. Описание их жизни оказалось превосходным материалом для пропаганды идей движения. Вполне закономерно, что в таких условиях новые литературные задачи борьбы за «старую веру» обрели опору в испытанной веками